

МАТЬ В ЭПОХУ ДОЧЕРИ: ЕКАТЕРИНА I В ЦЕРКОВНЫХ ПАНЕГИРИКАХ ВРЕМЕН ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ*

Е. И. КИСЛОВА

XVIII век стал ключевым в вопросе осмысления места женщины в культуре нового времени. Ряд женщин-императриц в России открывался Екатериной I, женой и соратницей Петра. Феномену «женского XVIII века в России» посвящен целый ряд исследований. В частности, непосредственно «культ Екатерины» рассматривается в работах Г. Маркера, М. Сморжевских-Смирновой и Е. Погосян¹. Кроме того, трансформация отдельных тем и культурных «сценариев», связанных с Екатериной I, в панегирических текстах эпохи Елизаветы Петровны намечена в работе Г. Маркера. Однако, как нам кажется, рассмотрение большего материала позволит сделать более объемными и детальными представления о культурных мифах и сценариях, формировавшихся и использовавшихся в текстах проповедей середины XVIII в.

Сопоставление проповедей эпохи правления Екатерины I с текстами, созданными в 1740-е гг., показывает, какие именно фрагменты панегирического «сценария» первой женщины-императрицы оказываются востребованными во время правления ее дочери. В период правления Анны Иоанновны проповедь не играла заметной роли в качестве «транслятора» культурных и политических моделей, поэтому проповедники Елизаветинской эпохи неизбежно брали в качестве образцов опубликованные тексты 1710–1720-х гг., причем заимствовали не только сами модели прославления женщины-императрицы, но и фразеологию, метафорику, отсылки к сюжетам Св. Писания и т. д.

1740-е гг. — время наибольшей популярности придворных проповедей. Однако они традиционно находятся «в тени» более популярной и хорошо известной светской панегирической традиции, представленной речами и в первую очередь одами. Но даже количественно «удельный вес» церковного панегирика в куль-

* Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента РФ для поддержки молодых российских ученых (номер гранта МК-1573.2013.6).

¹ См.: *Marker G.* Imperial Saint. The cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia. DeKalb (Ill.), 2007; *Fedyukin I., Zitser E. A.* For Love and Fatherland: Early Modern Patronage Politics and the Origins of Russia's First Female Order of Chivalry // *Cahiers du Monde russe.* 2001 (1). Vol. 52. P. 5–44; *Погосян Е., Сморжевских-Смирнова М.* Екатерина Алексеевна — российская государыня и царская невеста на ревелской иконе // *Пограничные феномены культуры.* Перевод. Диалог. Семиосфера. Материалы Первых Лотмановских дней в Таллинском университете (4–7 июня 2009 г.). Tallinn, 2011. С. 117–144; *Pogosjan Jel., Smorzhevskikh-Smirnova M.* Peter I's Icon from the St Nicholas Church in Tallinn: Iconography and Ideology // *Kunstiteaduslikke Uurimusi = Studies on art and architecture = Studien für Kunstwissenschaft.* 2011. № 20 (1–2). P. 191–211.

Е. И. Кислова. Мать в эпоху дочери: Екатерина I в церковных панегириках времен Елизаветы Петровны
туре XVIII в. оказывается более значимым, нежели светская традиция, которая традиционно представляет в наших глазах риторiku этого столетия².

Именно проповеди активно использовались Елизаветой после вступления на престол как форма продвижения «сценария власти» (если пользоваться термином Р. Уортмана). Особое внимание Елизаветы к православной Церкви отмечалось исследователями начиная с XIX в.³, причем если в этот период ученые пишут об искреннем благочестии императрицы, то в XXI в. речь идет уже скорее о сознательном использовании имеющихся у православной Церкви средств для формирования и продвижения определенных «сценариев». Если говорить современными терминами, то фактически речь идет о формировании общественного мнения и политическом пиаре Елизаветы⁴.

Одическая и светская панегирическая традиции к 1740-м гг. стали уже неотъемлемой частью светской культуры, развивавшейся в дворянском обществе после петровских реформ. Однако провинциальное дворянство, духовенство и мещанство до второй половины XVIII в. продолжало частично или полностью существовать в парадигме традиционной культуры, в которой наиболее авторитетными произведениями оставались тексты церковного дискурса, написанные на церковнославянском языке или с большим количеством церковнославянизмов. Поэтому после восшествия на престол Елизавета активно использует не только светскую панегирическую традицию, но и церковную. Проповеди оказывались важнейшим средством для формирования образа новой императрицы. Несмотря на то что тематика проповедей при Елизавете как будто отходит от политических проблем⁵, проповедники даже в «неполитических» проповедях продолжают создавать образ новой монархини, определенным образом прославляя ее в финале, обязательно посвященном поздравлению или благословлению действующей императрицы. При этом нужно отметить, что проповеди произносились в присутствии Елизаветы и печатались после ее одобрения, поэтому любой предложенный сценарий так или иначе сперва получал официальное одобрение и лишь затем издавался «в народ»⁶. В этом отношении Елизавета, разумеется, являлась наследницей Петра: именно Петр начал использовать в России про-

² См.: Кислова Е. И., Матвеев Е. М. Хронологический каталог слов и речей XVIII века. СПб., 2011.

³ См., например: Понов Н. А. Придворные проповеди в царствование Елисаветы Петровны // Летописи русской литературы и книжности, издаваемые Н. С. Тихонравовым. М., 1853. Т. 2. Кн. 3. С. 1–33; Барсов Н. И. Малоизвестные русские проповедники XVIII столетия // Барсов Н. И. Исторические, критические и полемические опыты. СПб., 1879. С. 132–184; Заведев П. История русского проповедничества от XVII века до настоящего времени. Тула, 1879 и др.

⁴ Например: «Разумеется, Елизавета известна своим активным покровительством — до 1741 г. — церковным учреждениям, и для утверждения своего политической идентичности она во многом опиралась на религиозную образность» («Elizabeth, of course, was renowned before 1741 for patronizing church institutions very extensively, and she relied heavily on religious imagery to establish her political identity», Marker G. Op. cit. P. 215).

⁵ В работах по истории гомилетики этот период расценивается как принципиально «неполитизированный», см., например: Ветелев А., Козлов М. Учебный курс по истории проповедничества русской православной церкви для 4 класса. Загорск, 1990.

⁶ Подробнее о подготовке и публикации проповедей в 1740-е гг. см.: Кислова Е. И. Издание придворных проповедей в 1740-е гг. // XVIII век. Сб. 26. СПб., 2011. С. 52–72.

поведь для объяснения и толкования указов, распоряжений, реформ, описания смысла и значения военных побед и политических решений.

Любопытно отметить, что Анна Иоанновна, несмотря на свою религиозность и общее внимание к вопросам православия⁷, почти не уделяла внимания гомилетической традиции и придворному проповедничеству. При ней было издано всего три текста, два из которых принадлежат Феофану Прокоповичу. Проповеди изредка произносились, но, очевидно, необходимости в их обязательном издании не было. Можно предположить, что Анна Иоанновна не нуждалась в утверждении своего достоинства в качестве законной и православной императрицы, считая себя таковой «по умолчанию», поэтому проповедь как инструмент формирования общественного мнения не была столь востребована, как в первые месяцы после воцарения Елизаветы, произошедшего в результате дворцового переворота.

Начиная с 31 марта 1742 г. издание произнесенных в присутствии Елизаветы проповедей становится обязательным. За один только 1742 г. было издано 24 000 экземпляров различных проповедей (тираж еще трех неизвестен). Достоверно известно, что всего за 1741–1752 гг. было издано 49 500 экземпляров проповедей, тираж еще 17-ти неизвестен. При этом, судя по сохранившимся реестрам и описям лавок и складов Синодальной типографии, в 1749 г. нераспроданными оставались меньше четверти изданных к этому времени проповедей, в 1762 г. — 10 012 экземпляров проповедей из более чем 50 000 изданных⁸.

Таким образом, именно в первые годы правления Елизаветы Петровны наблюдается рост числа не только устных проповедей (что нормально для коронационных торжеств, сопровождавшихся торжественными богослужениями), но и их изданий: налицо стремление властей донести слова придворных проповедников до как можно большего числа людей, именно на это направлены указы печатать проповеди спешно, продавать их по 5–6 копеек. Некоторые тексты, возможно, рассылались по епархиям, многие переписывались и сохранялись в сборниках — с одной стороны, как примеры для подражания местными проповедниками, с другой — как тексты для чтения. Таким образом, проповеди успешно несли идеологию нового царствования в массы, не охваченные или недостаточно охваченные светской литературной традицией.

Даже гибридный церковнославянский язык, на котором были написаны эти тексты, и церковнославянская орфография, в которой они преимущественно издавались, служили популяризации этих проповедей, так как относили их к православной церковной культуре, определенным образом противопоставленной светской придворной культуре середины XVIII в.

Таким образом, проповеди 1740-х гг. являются важным элементом культуры этого времени, значимым не только для узкого круга деятелей церкви, но и в целом для образованного общества.

Обращение именно к проповеднической традиции важно для понимания того, как трансформировался и видоизменялся «Екатерининский миф» в

⁷ См.: *Титлинов В. В.* Правительство Анны Иоанновны в его отношении к делам православной церкви. Вильна, 1905; *Смолич И. К.* История русской церкви. М., 1996. Т. 8. Ч. 1.

⁸ Подробнее см.: *Кислова Е. И.* Издание придворных проповедей в 1740-е гг.

Е. И. Кислова. Мать в эпоху дочери: Екатерина I в церковных панегириках времен Елизаветы Петровны 1740-х гг.: сравнение со светской панегирической традицией показывает, что обращение к образу Екатерины в одах встречается относительно редко: она упоминается в них в основном только в паре с Петром, самостоятельного эмблематического и аллегорического значения фигура Екатерины там не получает. В проповедях же традиция, заложенная в текстах Петровской эпохи, продолжает жить. Возможно, это обусловлено изначально церковным характером культа Екатерины.

Итак, рассмотрим, какие важнейшие элементы образа Екатерины используют проповедники 1740-х гг.

Екатерина I в проповедях 1740-х гг.

Проповеди 1740-х гг., особенно первых лет нового царствования, подчинены главной цели: доказать легитимность новой правительницы и всячески укоренить в сознании современников мысль о законном восшествии на престол Елизаветы.

Отождествление монархини с Петром I

Наиболее значимым в проповедях 1720-х гг. становится отождествление Екатерины с Петром I — и вслед за ней уже в текстах 1740-х гг. с Петром начинает отождествляться Елизавета.

Именно применительно к Екатерине I впервые формируется понятие «гендерной амбивалентности» правящей монархини⁹. Эта тема развивается и становится ведущей в проповедях, произнесенных после смерти Петра и объявления Екатерины императрицей — т. е. после 1725 г. И Гавриил Бужинский, и Феофан Прокопович формулируют крайне важный тезис: Екатерина — это, по сути, живое воплощение Петра, в ней живет его дух, и это само по себе доказывает ее легитимность как правительницы. Например: «Мир весь свидетель есть, что женская плоть не мешает тебе быть подобной Петру Великому... Вы же... утешайте и самих себе, несумненным познанием петрова духа в монархине вашей видяще, яко не весь Петр отошел от нас» (Феофан Прокопович. Слово на погребение Петра, 1725 г.)¹⁰; «...яко и в небеси со Христом Петр царствует, и в тебе России, царствует Петр в Екатерине. Жив дух Петров в наследнице: не плачи убо, Россие!..» (Гавриил Бужинский. Слово в день годишного поминовения Петра, 28 января 1726 г.).

В текстах 1740-х гг. проповедники продолжают декларировать «гендерную амбивалентность» уже новой монархини — Елизаветы, подчеркивая ее связь с Петром не только по линии «отец — дочь», но и по линии, характерной ранее для Екатерины: «Петр — его воплощение»: «...увидели, чего видеть почти уже не надеялися: ...Увидели Петра, славу нашу, паки на Российском престоле сидящаго, паки достохвалныя своя законы пишущаго, паки во отечестве своем полезная насаждающаго» (Стефан Калиновский. Слово в день восшествия на престол,

⁹ Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 1995. С. 122–124.

¹⁰ Здесь и далее цитаты даются в упрощенной орфографии.

25 ноября 1742 г.); «Не обретаю чтоб и думать, естли бы нетойже дух что и в Петре, в Тебе был, о Дщи Петрова!» (Сильвестр Кулябка. Слово в день тезоименитства Елизаветы, 5 сентября 1744 г.); «Ты еси воистинну камень, еще же главный, ибо петра великаго дщерь, петр же от самага христа господа толкуется камень» (Димитрий Сеченов. Слово на день иконы Казанской Божьей Матери, 1742 г.). Эта тема сохраняется и в 1750-е и становится «общим местом» панегирической (как светской, так и церковной) традиции: «...или бы воскресил тебе из мертвых Петра правды и великодушия чрезвычайнаго наполненнаго» (Гедеон Криновский. Собрание сочинений, 1755–1759 гг.).

Екатерина как воплощение Петра отходит на второй план, причем это характерно и для светской панегирической традиции. В один момент времени у великого монарха — Петра — может быть только одно воплощение на земле, поэтому даже в исторической перспективе смена воплощений невозможна: Екатерина не может быть представлена в качестве предыдущего воплощения Петра, ибо воплощение мыслится как явление вневременное и, следовательно, неизменное.

Екатерина наряду с Петром появляется среди родителей Елизаветы только в формулировках типа *дочь Петра и Екатерины*, например: «природнонаследная дому петра великаго и екатерины дщерь» (Кирилл Флоринский. Слово в день освящения церкви Всех скорбящих радость, 15 июля 1742 г.), «Рождена Ея Величество от обоих коронованных Лиц, от обоих законовладельных Самодержавных Героев и Монархов...» (Амвросий Юшкевич. Слово в день рождения Елизаветы, 18 декабря 1741 г.). Г. Маркер пишет, что значимым оказывается само упоминание Екатерины среди родителей Елизаветы: таким образом она становится на один уровень с Петром: «<Юшкевич, Мацеевич, Сеченов> при этом поддерживают Екатерининскую тему, “освящая” Елизавету в качестве дочери Петра Великого (что отмечается повсеместно) и Екатерины I (слова, которые ученые почти всегда опускают)¹¹. Но гораздо чаще Екатерина вообще не упоминается среди родителей Елизаветы, декларируется только происхождение Елизаветы от Петра. Именно такая модель четко воплощается не только в проповедях, но и в светской панегирической традиции, например в одах.

Родственные отношения «отец — мать — дочь» трансформируются в мифологические: «Петр — его воплощение (жена или дочь)». Елизавета предстает дочерью и воплощением Петра, возникшим почти без участия матери — Екатерины. Подобную модель мы находим в мифе о Минерве, рожденной без участия матери и ставшей ключевой фигурой для «сценариев власти» русских императриц¹². Таким же образом непосредственно от Петра происходит Елизавета (и плотью, и «духом»), а затем и Екатерина II (уже только «духом»).

Если в редких случаях Екатерина появляется в ряду родителей Елизаветы, проповедникам необходимо каким-то образом разграничить функции Петра и

¹¹ «In so doing they sustained the Catherinian theme by anointing Elizabeth the daughter of Peter the Great (as is invariably noted) an of Catherine I (words that the scholarship almost always leaves out)» (Marker G. Ibid. P. 217).

¹² Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 1995. С. 153–157.

Екатерины как родителей Елизаветы. В таком случае они обращаются к другим знаковым качествам Екатерины, а именно к благочестию: «благочестивых великих монархов дщерь Петра именем и дела великаго, Петра глаголю, который честь и слава Империи Российския во вечныя есть роды, и Екатерины, яже ревность свою по Бозе и благочестии явственню всему уже показала свету» (Порфирий Крайский. Слово в Великий пяток, 1742 г.).

Именно благочестие может считаться наиболее значимым качеством, презентующим в церковном дискурсе императрицу — Екатерину и затем Елизавету. Отметим, что для императора, то есть Петра, благочестие не является ведущим признаком, хотя нередко упоминается среди достоинств монарха.

Екатерина = св. Екатерина (благочестие и мудрость) > Елизавета = благочестие

При жизни Петра Екатерина предстает воплощением на земле своей святой покровительницы — мученицы Екатерины¹³. Это тождество до 1725 г. декларируется в ряде проповедей, причем формулировки Гавриила Бужинского, Феофана Прокоповича, Феофилакта Лопатинского нередко дословно повторяются, например: «Егда же тако удивляемся великому любви образу Екатерине, видим и другий того приклад, тебе благоверная Государыня наша Царице Всероссийская...» (Феофан Прокопович. Слово на 24 ноября 1717 г.); «...се вам истинное ея изображение и живый образ всех ея добродетелей, всех действий и христианскаго любления и милосердия ко богу и ближним — достойно именем ея хвалящаяся и по имени вещь самую всем ея добродетелем подражающая, благочестивейшая августейшая всероссийская государыня, наша царица и великая княгиня Екатерина Алексеевна» (Гавриил Бужинский. Слово на 24 ноября 1718 г.); «...сиче учителница наша церковь православная... в пример предлагает день сеи своим украсившую именем святуую великомученицу Екатерину, подобне и сие богохранимое государство имат живый образ: представляет церковь российская истинный пример во исполнении ей надлежащих, а нам подражаемых должностей великую государыню благоверную царицу и великую княгиню Екатерину Алексеевну» (Гавриил Бужинский. Слово на 24 ноября 1720 г.).

Можно выделить следующие основные качества, которые земная Екатерина перенимает у небесной: это мудрость и благочестие («внутреннее» — включающие в себя любовь к Богу, и «внешнее» — соблюдение обрядов и сохранение православной Церкви), а также кротость и милосердие, например: «Оная премудрость исполнена плодов благих, и в первых любви к Богу, и кто сию zde не увидит? Изъявляют сию ея всегдашныя в храме божии присутствия, моления, душевное веселие, совесть чистая и незазорная, паче же собственное к ней милосердие божие, на толикое достоинство произведшее...» (Гавриил Бужинский. Слово на 24 ноября 1720 г.); «По тому, имамы тя чим ныне и всегда поздравляти дражайшая именинница, благочестивейшая и самодержавнейшая Великая государыня наша Императрица всероссийская именем и делом Екатерина пре-

¹³ Очевидно, в случае с Екатериной сама структура панегирика требовала ее прославления через уподобление — святой покровительнице при жизни императора-супруга и самому императору-супругу после его кончины.

бодрейшая: яже не токмо о себе, но и о нас, и о всех верных своих подданных неусыпно бодрствуеши, промышляя о благостоянии святых божиих церквей, и общей всего государства пользе, о здравии всех не токмо телесном, но и наипаче душевном, и прочими дев мудрых качества украшаяся» (Феофилакт Лопатинский. Слово 1725 г.)

В проповедях Елизаветинской эпохи акцент переносится на благочестие — как уже было сказано, именно это качество выделяет Екатерину на фоне фигуры Петра. Вот как объясняется 25 марта 1742 г. в проповеди Дмитрия Сеченова воцарение Екатерины: «Но сия паче удивительна о благочестии ревность, яко в самой уже тяжкой болезни, в самом последнем издыхании, [Петр] не инное что приказывал, не о инном чем вселюбезную свою супругу просил, токмо, да сохранит благочестие Екатерина, соблюди православную веру...» (Димитрий Сеченов. Слово на Благовещение 1742 г.).

Мудрость Екатерины в этот период перестает отдельно подчеркиваться. В 1740-х гг. в проповедях мудрость становится интегральным признаком императорской фигуры, перестает служить «оправданием» воцарения¹⁴, тогда как благочестие — наоборот, выделяется как наиболее яркий признак, отличающий Елизавету от предшествующих правительниц и потому служащий главным оправданием ее воцарения. Елизавета своим воцарением спасает православную веру и Православную Церковь от «поругания» — это становится главной темой проповедей 1741–1742 гг. и сохраняется в дальнейшем. Необходимо отметить, что при Анне Иоанновне Православная Церковь не испытывала таких страшных притеснений, как может показаться при чтении проповедей Елизаветинской эпохи, однако «засилье иностранцев», «поругание православной веры» и подобные штампы в восприятии эпохи правления Анны Иоанновны как раз сформированы во многом благодаря проповедям 1740-х гг.

Почему именно благочестие становится вторым по важности признаком новой императрицы, перенятым Елизаветой у Екатерины? Легитимность Елизаветы как императрицы была не столь бесспорна, поэтому главным оправданием ее возвышения, как и в случае с Екатериной, оказывается благочестие и, следовательно, богоизбранность. Не случайно наиболее популярным образом для сравнения в проповедях становится библейский царь Давид. И если в случае с Екатериной у проповедников в арсенале оказывались также другие достоинства (мудрая советчица Петра, верная спутница Петра, мать детей Петра), то в случае с Елизаветой в конце 1741 — начале 1742 г. оставалось только благочестие. Любые другие признаки требовали бы подкрепления фактами, которые в отношении Екатерины в арсенале проповедников были (например, многократно упоминаемая Прутская кампания), а правление Елизаветы пока не успело

¹⁴ Мудрость Екатерины, которая всячески подчеркивалась проповедниками 1720-х гг., не заимствуется Елизаветой как важный признак монархини, поэтому сохраняется как признак ее матери Екатерины. Главным примером мудрости Екатерины становится Прутский поход и мир с Турцией: «показалась тогда наипаче премудрость Премудрыя Екатерины сея, еяже здравым советом и молением мир с Турецкою империею заключен» (Симон Тодорский. Слово на бракосочетание Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны, 1745 г.). Мудрость как важнейший признак императрицы вновь будет актуализирована после воцарения Екатерины II — возможно, в том числе для противопоставления ее Елизавете.

Е. И. Кислова. Мать в эпоху дочери: Екатерина I в церковных панегириках времен Елизаветы Петровны их дать. Поэтому проповедники используют абсолютно все действия, доказывающие благочестие новой императрицы: соблюдение поста, присутствие на крестинах, отпеваниях и бракосочетаниях, требование регулярного проповедничества в церквях, осуждение ересей и еретических книг, указ о запрещении строить новые иноверческие церкви, пешие паломничества, возвращение сосланных архиереев (правда, этот указ издала Анна Леопольдовна, но в проповедях он приписывается Елизавете).

Например, в марте 1742 г. Маркелл Родышевский подробнейшим образом описывает для слушателей и читателей следующую сцену — важное доказательство благочестия монархини: «В праздник рождения преславного своего... егда первый раз возшла на место, еже бы по чину монаршескому снести обед, снести и хлеб, увидела богодухновенным и православным внутренним, и внешним оком, что нет на месте том, идеже сести ей подобает, иконы святой, удержалася на время от седения, и повелела принести, и на честнейшем месте поставити святую богоматере со младенцем превечным икону, и не смотря на иностранныя обыкновения, призвать повелела начальнойших Синодалных архиереев, и благословить трапезу, иже благословивше оную правильную, и благочестия исполненную трапезу, отидоша на уреченныя места своя. Она же Благочестивейшая Монархиня знаменавши себе крестным знамением, пред святою оною иконою, начат царския своя, и то постныя вкушати снеди. И сим то делом православным, делом, но что глаголю, чудом во днех наших бывшим, о коль многия от очес правоверных стариков, и прочиих благочестивцов, источить сотворила от необъятной радости источники слез!..» (Маркелл Родышевский. Слово при присутствии, март 1742 г.). В 1744 г. в качестве доказательства благочестия Елизаветы приводится ее паломничество: «...Чтож еще сия слава и радость Наша, Августейшая Елисавет, делает? обители святыя и монастыри обоего полу пешо, трудолюбно посещает. Сего ни видено, ни слышано, ни в историях чтено; чтоб кто с Монархом такое благочестное творил пешохождение?» (Тимофей Щербацкий. Слово 1744 г.).

Таким образом, выстраивается следующий сценарий (частично сохранившийся в массовом сознании до наших дней): до Елизаветы Православная Церковь испытывала гонения от иностранцев и еретиков, Елизавета — благочестивая православная монархиня, законная наследница и воплощение Петра, которая восстанавливает величие Православной Церкви, поэтому ее восшествие на престол предопределено Богом и ожидаемо всей православной Россией. Благочестие Елизаветы прямо связывается с «воздаянием», получаемым ею от Бога — императорской властью. Сам факт переворота и захвата власти объясняется именно через благочестие и невозможность терпеть «поругание» Православной Церкви: «Подобною ревностию и Ея Императорскаго Величества кавалерское сердце было раздираемо, егда видит что творят противницы церкви православной... И не могущи стерпети толикаго бесчестия божия, и веры святыя ругательства, восхоте паче умерети, нежели на сичевое злодеяние смотрети. И тако Илииною и Христовою ревностию движимая, тако оных, глаголю, церкви святыя разорителей разори, тако попирателей святыни попра, тако неблагодарных презирателей благодеяний Петровых презре, тако ругателей благочестия святого

обруга, яко разумеют уже ныне, колико может православных вера и ревность по бозе...» (Алексей Флоров. Слово 1742 г.).

Трансформациям подвергаются в проповедях также кротость и милосердие. Даже в более поздние эпохи кротость становится основным признаком Елизаветы: словосочетание «царствование кроткия Елисавет» стало устойчивым выражением. Кротость первоначально также была признаком Екатерины, противопоставлявшим ее Петру: «ведят вси сынове Российстии в матери своей, знают вси сию кротость, егда в нуждных и потребных делах, милости ли или заступления ищуще и с дерзновением приступлше, и желаемое обретают» (Гавриил Бужинский. 24 ноября 1720 г.). Кротость Екатерины (наряду со щедростью) фигурируют и в светском дискурсе: например, в одах Ломоносова: «Таков Екатерины лик // Был щедр, и кроток, и прекрасен...» (Ода на день восшествия на престол... 1746 г.).

Кротость Елизаветы описывается в целом ряде проповедей, в частности в «Слове в неделю Ваий» Кирилла Флоринского (1742 г.), в котором тема монаршей кротости подробнейшим образом разрабатывается, описывается и объясняется в том числе происхождением Елизаветы от воплощения кротости — Екатерины: «да и быть не кротка не может: сия бо есть юже Великодушие Петр, породила кротость Екатерина. Сия есть, юже самое великодушие Петр, и живая воскормила кротость Екатерина».

Однако чаще образцом кротости для Елизаветы становится не Екатерина, а царь Давид или сам Бог: «но ревнуя поревновала господу своему благоутробнейшему, котораго последует стопам в милосердии, в кротости, в незлобии, и смиреннии» (Маркелл Родышевский. Слово при присутствии, март 1742 г.); «Сия есть, да и хочет кротка быти, Юже сам долготерпеливый и милостивый яко возрасти, тако и руководит и скипетр державы ея управляет, бог кротчайший» (Кирилл Флоринский. Слово в неделю Ваий, 1742 г.).

С фигурой святой покровительницы Елизаветы — праведной Елизаветой, матерью Иоанна Крестителя — проповедники соотносят фигуру новой императрицы крайне редко. Чуть ли не единственным подобным текстом является «Слово» Сильвестра Кулябки 1744 г. Вероятно, фигура праведной Елизаветы, бездетной до преклонных лет, мало подходила для формирования панегирического сценария новой императрицы, поэтому такой яркой связи между ними, как между Екатериной и св. Екатериной, в проповедях не возникает.

Как же Сильвестр Кулябка пытается соотнести Елизавету и ее святую покровительницу? Единственным объединяющим их признаком становится благочестие, причем проповеднику приходится отдельно пространно объяснять появляющуюся аналогию: «Хотяж нам и не о том речь в светлом собрании сем, как она родила, ибо то и другое и особенное себе заемлет торжество; но как в горних оных небеснаго града вечно уже ныне торжествует? Но понеже рождению толикому непорочное во всех заповедех божиих хождение предходило, на которое едино, в святых божиих, си есть и кончины блаженства и веры подражание действующее смотреть треба; а бывшее оно рождение, как возвеличению милости Господней, так и радости вину подало. Достодолжно убо и нам величия Божия прежде двоих лет в нас извествовавшая поведати хотящим, а за-

искус их, и радующимся, краткое ныне и ясное о том прострем слово: Как то несравненное есть добро, радость от благодеяний Божиих рожденная. Ащебо и нетыяжде виды на сей и на оной показуются, обаче и поношении и возвеличения образы равныя увидим, разве в том только неравенство, что там о едином только дому, а zde когда о единой особе, о всем государстве ходило». Таким образом, как чудо рождения обусловлено благочестием святой Елизаветы, так и чудо восшествия на престол Елизаветы Петровны обусловлено благочестием последней, а радость, которую испытывают ее близкие, уподобляется радости, которую испытывают подданные императрицы. Предложенная Кулябкой панегирическая модель оказывается слишком сложной, непрочной и, вероятно, потому не востребованной; больше ни в одной известной нам проповеди 1740-х гг. не делается даже попытки соотнести Елизавету и святую Елизавету, хотя унаследованная среди значимых признаков Екатерины тема материнства в проповедях фигурирует.

Екатерина = мать детей Петра и мать Отечества > Елизавета = мать Отечества

В проповедях 1720-х гг. Екатерина в роли матери детей Петра упоминается относительно редко, материнство оказывается менее значимым для прославления, нежели другие ее признаки. Редкий пример прославления Екатерины за материнство — проповедь Гавриила Бужинского 24 ноября 1718 г., в которой плодородие Екатерины соотнесено с плодородием Цибелы, «яже благополучием чрева своего, елико на небеси и на земли боги суть, вся роди, и от нея во вес мир боги и богини произидоша, и сама Екатерина прославляется как мать не только российских, но и европейских монархов: благополучием чрева твоего не токмо Россискую прославиши землю, но и инныя Еврпейския твоим рождением имут похвалятися страны». Соответственно, в финале проповеди Бужинский призывает благословение на Екатерину «на воспитание рождшихся чад и в предбудущее рождение». Нужно отметить, что эта проповедь не публиковалась в 1720-е гг. и сохранилась в рукописи, т. е. в официальном панегирическом сценарии «материнство» Екатерины не фигурировало.

В проповедях после 1725 г. «физическое материнство» Екатерины уже не упоминается, так как быть матерью детей Петра для действующей императрицы становится менее важным, нежели быть матерью отечества («метафизическое материнство»): «...милостивейшая и самодержавнейшая государыня наша, великая героиня, и монархиня, и мать всероссийская!.. Владетельское благо-разумие и матернее благоутробие, и природою тебе от бога данное, кому не известно!» (Феофан Прокопович. Слово на погребение Петра, 1725 г.); «За такую твою матернюю благоутробную бодрость, воздати тебе, ниже желати ино что можем...» (Феофилакт Лопатинский. Слово 1725 г.)

Материнство и в 1720-е, и в 1740-е гг. упоминается крайне часто, однако ассоциируется исключительно с материнством императриц по отношению к России и народу, причем *мать* оказывается даже более высоким словом, нежели *государыня* или *императрица*: «О чуднейшаго божия о тебе промышленности, Государыня наша, или паче Матерь наша Всемилостивейшая» (Стефан Калиновский.

Слово краткое, 1742 г.); «Как Дщерь Императоров познаем Матерь сущу нашу» (Сильвестр Кулябка. Слово 1744 г.).

Таким образом, после смерти Петра сама номинация «мать» применительно к женщине-императрице теряет свои первичные «семейные» коннотации и употребляется почти исключительно «метафизически», в контексте *мать Отечества* (в пару к *отцу Отечества*): «Даровал Отцу Отечества Матерь Отечества: даровал Петру Первому, Первому Императору, Екатерину Первую, Первую Императрицу в России» (Симон Тодорский. Слово на бракосочетание Петра и Екатерины, 1745 г.).

Фактически *мать Отечества* становится элементом титула каждой действующей императрицы: Екатерины I, затем официально бездетных и незамужних Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, затем — Екатерины II, которой этот титул официально подносится Сенатом, что лишь закрепило сложившуюся практику.

В 1740-х гг. номинация «мать» применима только к действующей монархине, то есть к Елизавете. В результате выстраивается параллель: Петр — отец Отечества, Елизавета — мать Отечества. Иная форма материнства в панегирическом дискурсе не допускается. Позицию *детей, чад, сыновей* и реже *дочерей* в проповедях занимают граждане России.

О Екатерине: «Мати сия есть отечества, но купно и пример ко подражанию всем сыновом российским и дщерем предостойнейший» (Гавриил Бужинский. Слово 24 ноября 1720 г.).

О Елизавете: «...о чем торжествуем и веселимся сынове Российстии!.. о рождении Матери свояе Всемиловитейшия Государыни Императрицы Всероссийския Елисаветы Петровны (Алексей Флоров, 1742); «...единою матернею к Российской от Бога себе врученной наследственной империи, к верноподданным чадам своим горя любовию и ревностию, Киевския горизонт смотреть соизволила...» (Тимофей Щербацкий. Слово 1744 г.).

Распространенным риторическим образцом здесь выступает «матерь о чадах веселящаяся» (Пс. 112), например: «да будет всегда яко матерь о чадах, о людех своих веселящаяся» (Димитрий Сеченов. Слово на Благовещение 1742 г.).

Елизавета выступает также «метафизической» матерью своему племяннику Петру Федоровичу: «Се видим дражайшаго внука Петрова... от великолепной и христоролюбивой Тетки купно и Матери своей благоутробнейшей славу и честь приемлющаго» (Тимофей Щербацкий, 1744 г.); «Женится дражайший Племянник, или паче Вселюбезнейший Сын твой от Бога и Родителей в Сына данный Тебе...» (Симон Тодорский. Слово на бракосочетание... 1745 г.); «...тебе Бог судил две Матери имети: едину Анну, другую Елисавет. Анна родила миру, Елисавет отродила Богу. От Анны восприял еси временное житие, от Елисаветы вечное, не точию земныя Российския империи, но и небеснаго царствия, наследника Богу, сонаследника Христу, тебе сотворившия» (Симон Тодорский. Слово на день рождения Петра Федоровича 1743 г.). Таким образом, Анна Петровна — физическая мать Петра, Елизавета — духовная, так как именно через ее посредство Петр Федорович принял православное миропомазание.

Единственная значимая характеристика, которую Елизавета не могла перенять у Екатерины — это «жена, супруга», так как она входила в противоречие с биографией новой императрицы и ее образом *девы*, незамужней монархини.

Екатерина = жена Петра

В образе Екатерины на первый план в текстах 1740-х гг. выходит функция идеальной супруги, жены Петра. Этот элемент ее образа заложен также панегирической традицией 1720-х гг., в которой Екатерина представлена как идеальная супруга. Например, основным мотивом в проповедях Гавриила Бужинского становятся слова Экклезиаста «*жены добры блажен муж есть, и число дней его сугубо*». Какие достоинства позволяют считать Екатерину *доброй женой* и какие сюжеты, связанные с ее функциями супруги, остаются актуальными в 1740-х гг.?

В первую очередь подчеркивается мужество Екатерины как спутницы Петра. Супруги—спутницы полководцев известны в исторической и культурной традиции, поэтому у Екатерины в этой роли появляются предшественницы. Например, Гавриил Бужинский проводит параллель с фигурами Агриппины, супруги Германика, и Ливии, жены Августа: обе женщины были спутницами своих мужей в походах, однако Екатерина выше их, так как «паче Агриппины Екатерина в самое ужасное время на Прутовой акции присутствовала и в превеличайших трудах мужа своего Всероссийского Государя утешала» (Слово 1718 г.).

Почти дословно повторяется этот фрагмент в проповеди Гавриила Бужинского 1721 г.: «Не устращися громов Марсовых, не ужасеся свистящих над главою пуль, не убояся одесную и ошуюю зря уязвленных или убиенных, но везде за целость Россиискаго государства, за невреждение имени Божия и славы Его подвизающемуся Благодетелю Императору присутствовала, в скорбех утешала и сама всех тых побед великою частию суши». Однако здесь в параллель Екатерине приводится не только Ливия, но и Сарра — как жена, во всем послушная Аврааму. Проповедь Елизаветинской эпохи в целом наследует эту традицию, но проявляется она в текстах очень редко, например: «...упадшее место наполняет Екатерина, Екатерина несравненного того Героя несравненная супруга, которая Геркулесовых трудов его и подвигов всегдашняя была сообщница» (Гедеон Криновский. Слово на коронацию, 1755 г.).

В эпоху правления Елизаветы единственный контекст, в котором описание идеальных супружеских качеств Екатерины оказывалось значимым, — это создание образца для супруги наследника, великой княгини Екатерины Алексеевны — будущей Екатерины II. Сама Екатерина II в мемуарах отмечает, что даже имя при православном миропомазании ей было выбрано для создания параллели с семьей Петра I и Екатерины I. Великая княгиня Екатерина Алексеевна должна стать воплощением идеальных супружеских качеств Екатерины I: «Имеем отсюду надежду несумненную, якой пойдет правым путем сея, еяже высоким именем называется. И тако не точию именем, но и самую вещь пребудет Екатерина Алексиевна, пребудет благословенна Богу вышнему, благословенна Господеви, сотворшему небо и землю» (Симон Тодорский. Слово на бракосочетание... 1745 г.).

Эта же тема звучит в одах:

К утехе Росского народа
Петра с Екатериной вновь
Счетае счастье и породе,
Пригожество, младость и любовь.

(*М. В. Ломоносов*. Ода на день брачного сочетания... 1745)

Соответственно, подробнее всего Екатерина I в качестве идеальной супруги описывается в единственном тексте, который соотнесен не с фигурой Елизаветы, а с фигурами наследника и его невесты — в «Слове на бракосочетание...» Симона Тодорского 1745 г., причем совершенно очевидно знакомство Тодорского с текстом Прокоповича:

Сравним:

Феофан Прокопович. Слово похвальное, 24 ноября 1717 г.	Симон Тодорский. Слово на бракосочетание... 1745 г.
«...на оном и самую памятию страшном Молдавском поле... Видехом тогда о Россие, любовь Монархини твоей крепку яко смерть быти: своя яве искала ея смерть, а именно, и пулею пушечною пред ногама ея паднею приближившаяся; но паче сердце ея умирше боязнию смерти спружеской...»	«По превосходству же засвидетельствуют о сем поля Молдавския... Показалось тогда мужественное и непреодоленное великодушие ея, егда самую дражайшую пренебрегши жизнь свою, точию бы Российское государство в целости своей сохранилось, приближилась было и к самым вратам смертным, и так недалече была от смерти, как недалече было от нея ядро пушечное пред ногами ея упавшее».

Однако в проповедях Елизаветинской эпохи сюжет личного участия в походах как отдельного достоинства монархини отходит на периферию. Сама Елизавета не принимала участие в военных походах, поэтому напоминание о личном участии ее матери в походах отца могло быть воспринято как упрек императрице. В противовес этому в проповедях акцентируется всё то же важнейшее качество новой монархини — благочестие, «удельный вес» которого оказывается выше, нежели личное участие в походах: «Не тако бо присутствие в армии, якоже прилежные молитвы с страхом божиим, и обеты вашего императорскаго величества, подвигнут бога на помощь, верному христоименитому вашему воинству» (Антоний Нарожницкий. Слово в Троице-Сергиевой лавре, 4 августа 1742 г.); «[Бог] видя Вашего Императорскаго Величества толикую благочестную в трудах ревность, многое усердие и любовь к нему, и угодникам его... воздаст здравие долготное победы на горделивыя супостаты, хвалящихся силою своею» (Панкратий Чарнысский. Слово в Троице-Сергиевой лавре, 6 июня 1744 г.).

Таким образом, на материале проповедей 1740-х гг. мы наблюдаем, какие именно элементы образа Екатерины, созданные проповедниками 1720-х гг., оказываются востребованными в царствование Елизаветы. Часть «маркирую-

Е. И. Кислова. Мать в эпоху дочери: Екатерина I в церковных панегириках времен Елизаветы Петровны
щих» признаков Екатерины-монархини легко перенимаются Елизаветой — это «воплощение духа Петра», внешнее и внутреннее благочестие, «метафизическое материнство» по отношению к народу. Невозможным оказывается только адаптация достоинств идеальной супруги (в том числе лично принимающей участие в военных походах), так как они противоречили биографии Елизаветы. Однако Екатерина I как идеал супруги мыслится образцом для будущей Екатерины II.

Интересно, что в светском дискурсе, в частности в одах 1740-х гг., фигура Екатерины менее значима, нежели в церковном. Причина такого сохранения «культы Екатерины» — последовательная опора проповедников младшего поколения на сложившуюся в проповедях Феофана Прокоповича, Гавриила Бужинского и Феофилакта Лопатинского традицию, и здесь необходимо отметить, что, судя по данным записных книгопродажных реестров Синодальной типографии, в 1740-х гг. тексты проповедей петровской эпохи пользовались определенным спросом и регулярно продавались. Очевидно, они служили не только риторическими, но и идеологическими образцами, с которыми проповедники 1740-х гг. последовательно работали, трансформируя уже сформированные «сценарии» в зависимости от общих идеологических задач, стоявших перед ними.

Ключевые слова: проповедь, панегирик, 18 век, Елизавета, Екатерина I, «сценарий власти».

THE MOTHER IN THE ERA OF THE DAUGHTER. CATHERINE I IN ECCLESIASTICAL PANEGRYRICS OF THE ELIZABETHAN ERA

E. KISLOVA

The article deals with the transformation of the image of the empress in the homilies of the 1740s: the image of the female empress created by Feofan Prokopovich, Gavriil Buzhinsky, and Feofilakt Lopatinsky in the 1710–1720s for Catherine I was actively used by the preachers of the 1740s (Dimitry Sechenov, Kirill Florinsky, Markell Rodyshevsky, and others) after Elizabeth Petrovna's ascension to the throne. Some of the empress Catherine's marking features are easily taken over by Elizabeth, forming a strong homiletic canon for the laudation of the empress. Catherine and then Elizabeth are presented as «the embodiment of Peter's spirit», and are directly identified with Peter.

In the homilies of the 1710–1720s, the preachers emphasised Catherine's wisdom and piety, whereas in the 1740s', piety becomes the empress' main quality. The preachers of the 1740s give many examples of the empress' piety, whereas wisdom is omitted and returns to the «laudation canon» during the reign of Catherine II.

The cliché «mother of the homeland» is also being created and taking shape. Catherine's physical maternity is transformed into her metaphysical maternity in relation to the people of the country.

Thus, most identifying qualities of the empress Catherine are easily adopted by preachers for laudation of Elizabeth. Only the merits of the ideal spouse (who participates in military campaigns, among other things) cannot be used, because they contradicted Elizabeth's biography. But Catherine I as the ideal spouse is portrayed as an example for the heir apparent's spouse — Grand Duchess Catherine Alexeyevna, the future Catherine II.

Keywords: homily, panegyric, XVIII century, Elizabeth, Catherine I, «scenario of power».

Список литературы

1. Барсов Н. И. Малоизвестные русские проповедники XVIII столетия // Барсов Н. И. Исторические, критические и полемические опыты. СПб., 1879. С. 132–184.
2. Ветелев А., Козлов М. Учебный курс по истории проповедничества русской православной церкви для 4 класса. Загорск, 1990.
3. Заведеев П. История русского проповедничества от XVII века до настоящего времени. Тула: Тип. Н. И. Соколова, 1879.
4. Кислова Е. И. Издание придворных проповедей в 1740-е гг. // XVIII век. Сб. 26. СПб.: Наука, 2011. С. 52–72.
5. Кислова Е. И., Матвеев Е. М. Хронологический каталог слов и речей XVIII века. СПб.: СПбГУ, 2011.
6. Погосян Е., Смержевских-Смирнова М. Екатерина Алексеевна — российская государыня и царская невеста на ревелльской иконе // Пограничные феномены культуры. Перевод. Диалог. Семиосфера. Материалы Первых Лотмановских дней в Таллинском университете (4–7 июня 2009 г.). Tallinn, 2011. С. 117–144.
7. Попов Н. А. Придворные проповеди в царствование Елисаветы Петровны // Летописи русской литературы и книжности, издаваемые Н. С. Тихонравовым. М.: В типографии Грачева и Ко, 1853. Т. 2. Кн. 3. С. 1–33.
8. Титлинов В. В. Правительство Анны Иоанновны в его отношениях к делам православной церкви. Вильна, 1905.
9. Смолич И. К. История русской церкви. М.: Издательство Спасо-Преображенского монастыря, 1996. Т. 8. Ч. 1.
10. Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 1995. Т.1.
11. Marker G. Imperial Saint. The cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia. DeKalb (Ill.), 2007.
12. Fedyukin I, Züser E. A. For Love and Fatherland: Early Modern Patronage Politics and the Origins of Russia's First Female Order of Chivalry // Cahiers du Monde russe. 2001 (1). Vol. 52. P. 5–44.
13. Pogosjan Jel., Smorzhevskikh-Smirnova M. Peter I's Icon from the St Nicholas Church in Tallinn: Iconography and Ideology // Kunstiteaduslikke Uurimusi = Studies on art and architecture = Studien für Kunstwissenschaft. 2011. № 20 (1–2). P. 191–211.